

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.4>**АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ХРОНОТОПЕ КОММУНИКАЦИЙ
(ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Научная статья

Никитина Е.С. *

ORCID: 0000-0001-6985-802X,

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (m1253076[at]yandex.ru)

Аннотация

Слова попадают в словари из текстов, в которых они имеют значения и смысл, а также ассоциативные связи. В разных контекстах индивидом воспроизводятся актуальные из многочисленных ассоциативных связей слова. Какая ассоциация выпадет на предъявленное слово зависит от установки на ситуацию, в которой слово предъявлено. В кабинете психотерапевта, в игре на «Поле чудес», на исповеди у священника, больничной койке, на детекторе лжи, групповом ассоциативном эксперименте и т.п. когнитивные предпосылки, руководящие реакциями личности, различаются по факту адекватности ситуации поведения. Показать зависимость ассоциативной реакции от коммуникативного контекста – хронотопа – входит в задачу представленной статьи. Выявленная зависимость позволяет интерпретировать результаты экспериментов с учетом роли испытуемого не как объекта, но как субъекта – активного действующего лица в ситуации испытания его ментальных карт.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, коммуникативный хронотоп, виды воспоминаний, социальная установка, прайминг.

ASSOCIATIVE EXPERIMENT IN THE COMMUNICATIONS CHRONOTOPE (PSYCHOLINGUISTIC ASPECT)

Research article

Nikitina E.S. *

ORCID: 0000-0001-6985-802X,

Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

* Corresponding author (m1253076[at]yandex.ru)

Abstract

Words enter dictionaries from texts, within which they have meanings, as well as associative connections. In different contexts, the individual reproduces words connected to numerous associative connections. What association will fall on the presented word depends on the attitude to the situation in which the word is presented. In the office of a psychotherapist, during a game show, in a confession to a priest, in a hospital bed, on a lie detector, a group associative experiment, etc. the cognitive prerequisites governing the reactions of the individual differ in the fact of adequate behavior in the situation. To show the dependence of the associative reaction on the communicative context - the chronotope - is part of the task of the current article. The determined dependence makes it possible to interpret the results of experiments taking into account the role of the subject an active participant in the situation of testing his mental maps.

Keywords: associative experiment, communicative chronotope, types of memories, social attitude, priming.

*Многие приемы лабораторной работы носят характер традиции, то есть они привычны и общеприняты. Их применяют, не задумываясь об их адекватности той или иной конкретной задаче.
Гилберт Д., Малкей М. Открывая ящик Пандоры.*

Введение

Ассоциативный эксперимент является одним из старейших приемов экспериментальной психологии. Джордж Миллер так пересказывает историю возникновения этого метода:

«Сэр Фрэнсис Гальтон (1879), английский ученый и двоюродный брат Чарльза Дарвина, первым попробовал провести ассоциативный эксперимент. Он выбрал 75 слов, написал каждое из них на отдельной карточке и не прикасался к ним несколько дней. Затем он брал карточки по одной и смотрел на них. Он засекал время по хронометру, начиная с того момента, когда его глаза останавливались на слове, и кончая тем моментом, когда прочитанное слово вызывало у него две различные мысли. Он записал эти мысли для каждого слова из списка, но отказался публиковать результаты. “Они обнажают, – писал Гальтон, – сущность человеческой мысли с такой удивительной отчетливостью и открывают анатомию мышления с такой живостью и достоверностью, которые вряд ли удастся сохранить, если опубликовать их и сделать достоянием мира”» [15, С. 175–176].

Выделим три момента из этого описания. **Время** – от предъявления слова-стимула к реакциям на него; у Гальтона оно ограничивалось двумя мыслями-воспоминаниями. **Интимность** этих реакций такова, что ими не следует делиться с другими. Ассоциации слишком субъективны или личностны. И, наконец, **контекст**, или ситуации самого эксперимента. На этих сторонах эксперимента мы в дальнейшем и остановимся.

Неподконтрольный сознанию и волевому управлению процесс возникновения ассоциаций, тесная связь вербальных реакций с эмоциональными реакциями, имеющими объективные физиологические корреляты, определили перспективность ассоциативного эксперимента как для научного поиска (изучение семантической организации содержания индивидуального и массового сознания), так и успешного решения прикладных задач: психоаналитической

психотерапии, психофизиологической экспертизы достоверности показаний (полиграфическая диагностика – «детектор лжи») и т.д. Логика ассоциативного эксперимента нашла применение в прикладной лингвистике, психолингвистике, социологии, психологии рекламы и разработке технологий эффективного рекламного копирайтинга и др. в качестве метода изучения психики человека, установления законов мышления, диагностики овладения языковым материалом, исследования структуры семантических полей и их возникновения и даже для описания языковой картины мира выбранного языкового коллектива. На основе результатов исследования процесса возникновения ассоциаций делаются утверждения об особенностях культуры, мировоззрения, менталитета языковой личности и общности. Вот здесь-то и возникает проблема соотнесения полученных данных со способами их интерпретации. Иначе, проблема обоснованности выводов и заключений, которые предлагают исследователи по данным проведенного эксперимента.

Обсуждение

Для начала отметим, что ассоциативная психология, в которой ассоциации считались главным или даже единственным механизмом работы сознания, ныне представляет исключительно исторический интерес. В качестве основной объяснительной концепции структурирования содержания сознания ассоциативная теория выступала лишь на заре научной психологии, «унаследовавшей» эту гносеологическую схему от философии.

«Впервые десятилетия 20 в. А. п. как особое направление исчезло под влиянием сокрушительной критики со стороны вюрцбургской школы, гештальтпсихологии и др. новых направлений психологии. Ассоциация начала рассматриваться не как исходный основополагающий принцип, а как явление, которое само требует объяснения» [12].

Далее. Произвольность языкового знака и конвенциональный принцип его соотнесения с обозначаемым создают условную возможность для связи любого слова с любым другим словом из языкового универсума. Языковая картина мира функционирует как своеобразная лингвосеть, аналогичная нейросети. Эта лингвосеть избыточна по своей емкости для любых количеств новой информации, и поэтому накопление и расширение человеческого опыта не имеет препятствий в знаковом воплощении. Язык позволяет фиксировать и воспроизводить любые артефакты цивилизации, формируя коллективную память социокультурной общности. При этом заслуживают внимания процессы взаимодействия сознания с этими хранилищами опыта, трансформированного в знаки. Содержимое долговременной (в определенном смысле – вечной) памяти образует два слоя.

1. Наружный, поверхностный «мнемотектонический» пласт содержит информацию, которая часто востребована. Для ее воспроизведения не требуется существенных усилий. Она прочно связана с актуальным содержанием сознания, представляет его неявный фон.

2. Нижний (глубокий) уровень, на котором находится информация, «закрытая» для быстрого припоминания, которая давно не использовалась, поэтому оценивается мозгом как малозначимая или ненужная в настоящий момент. Для ее воспроизведения требуются усилия и специальные мнемические действия. Иногда, чтобы добраться до глубин памяти, требуются особые воздействия на психику, например, гипноз, психоанализ, психотропные средства, а иногда достаточно какого-то незначительного события, которое вызовет цепочку ассоциаций с давно «забытым» опытом.

Ассоциативный эксперимент основан на актуализации материала долговременной памяти. Процесс воспроизведения информации может быть произвольным, либо непроизвольным. Основное отличие произвольного воспоминания от непроизвольного состоит в осознанном и целенаправленном обращении к определенным пластам опыта, которые должны содержать искомую информацию. Непроизвольное припоминание представляет собой спонтанное появление в актуальном слое сознания некоей информации из «хранилища» памяти. Этот процесс непредсказуем и выглядит необъяснимым по своим результатам. Французский писатель Марсель Пруст был первым, кто ввел термин «непроизвольная память» в романе «В поисках утраченного времени». Пруст рассматривал непроизвольную память как содержащую «сущность прошлого», в котором часто нет логических связей, только ассоциативные. Память у Пруста выступает средством фиксации потока сознания. Последний состоит из памяти, чувств и переживаний.

«Лучшее, что хранится в тайниках нашей памяти, – вне нас; оно – в порыве ветра с дождем, в нежиллом запахе комнаты или в запахе первой вспышки огня в очаге, – всюду, где мы вновь обнаруживаем ту частицу нас самих, которой наше сознание не пользовалось и оттого пренебрегало, остаток прошлого, самый лучший, тот, что обладает способностью, когда мы уже как будто бы выплакались, все-таки довести нас до слез». [10].

Советский писатель Валентин Катаев метафорически обозначил самопроизвольно «всплывающее» в памяти далекое прошлое как «разбитую жизнь» [4]. «Разбитую» не в моральном смысле, а в содержательном. В предисловии к своей книге автор сравнивает воспоминания о давно прошедшем с некогда монолитной каменной плитой, которая сама собой раскололась от времени на куски. Какой из «осколков» минувшего будет внезапно озарен лучом сознания и выхвачен из тьмы забвения, невозможно предсказать заранее. Фрагменты прошлого в виде неожиданно выплывающих из недр памяти отдельных эпизодов, настроений, почти физически переживаемых давних ощущений прихотливо выстраиваются в поток внезапно «оживших» воспоминаний о том, что давно, и, как казалось, прочно, забыто. Эта связь звеньев отдельного потока воспоминаний не усматривается субъектом как хронологическая, телеологическая – вообще «логическая», хоть в каком-либо смысле. Но ассоциативная связь, безусловно, присутствует, и структурирует поток представлений. Помимо смысловых, семантически организованных ассоциаций (ассоциации по сходству), существуют также ассоциации по смежности во времени и в пространстве, а также ассоциации по контрасту. Если ассоциации по сходству, т.е. единству семантической сети, могут быть, хотя бы вероятно, прогнозируемыми, то ассоциации по смежности ситуативны, и, следовательно, всегда уникальны. Подобные ассоциативные комплексы существуют, и даже могут быть использованы для извлечения необходимой информации (путем реконструкции целостной ситуации, возвращающей сознанию все элементы этой ситуации). На этом основаны используемые гипнологами психотехнологии регрессии, позволяющие вспомнить забытую важную

информацию (пин-коды, пароли). Описаны подобные приемы и в художественной литературе («Лунный камень» У. Коллинза).

Объективность «сущности прошлого» человеческого сознания неоднократно высмеивалась в литературе. Так, на карикатуре американского художника, решившего посмеяться над интерпретацией метода свободных ассоциаций Зигмунда Фрейда, изображен кабинет психоаналитика, в котором на кушетке лицом к окну лежит пациент. За окном на небоскребе висит огромная реклама с полуголой девицей. Врач сидит возле пациента и, глядя в блокнот, спрашивает: «А теперь прошу сказать мне первую мысль, которая приходит вам в голову». Художник схватил важную деталь ситуации – зависимость образов сознания от окружающей обстановки «здесь и теперь».

Зададимся таким вопросом: к какому виду воспоминаний можно отнести ассоциативный эксперимент? Как утверждал автор психологической концепции сознания как интериоризированной деятельности А.Н. Леонтьев в книге «Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций», когда говорят: «это мне напоминает...», это означает появление ассоциации, для которой исходный объект выступает в референсной роли, причем эти референсные связи могут быть самыми различными, иногда неожиданными. Предикация «Я припоминаю, что...» выражает целенаправленные усилия сознания по воспроизведению информации в неизменном виде, восстановлению однозначной связи: «сейчас не так, но было именно так». «Усилия памяти пробуждают мысль, влекущую за собой каскад ассоциаций. В первом случае наша мысль следует за произвольной ассоциацией, а во втором мы думаем и ищем ассоциации сознательно» [7, С.69]. Муки Чеховского героя из рассказа «Лошадиная фамилия» демонстрируют произвольную работу по поиску забытого слова (фамилии знахаря) через ассоциативные связи.

«И в доме, все наперерыв, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почесывая лбы, искали фамилию...» [14]. Все было напрасно. Фамилия Овсов случайно всплыла в памяти в связи с ситуацией обсуждения провианта лошадей.

Непроизвольные воспоминания не подчиняются какому-либо алгоритму, логическому или мнемическому. Это разворачивание цепи ассоциаций «с открытым кодом». Актуализация материала памяти не требует волевого усилия. Легкость воспроизведения зависит от значимости данной информации для нужд текущей деятельности. При этом сознание может и не концентрироваться специально на задаче припоминания. Информация всплывает как бы «сама собой», но такое ее воспроизведение не является безусловно произвольным. Мнемическая активность в данном случае включена в качестве операционального звена в общую схему реализуемой в данный момент деятельности. Она никогда не возникнет в отрыве от осуществляемой деятельности, и детерминирована только ею, и никакими другими ситуативными впечатлениями. В отношении произвольного воспоминания невозможно предугадать, какой элемент насущной ситуации способен породить цепочку ассоциаций, и какими они будут. Если воспоминание о прошлом бессознательно запускается сигналом окружающей среды – оно является произвольным. Можно провести мысленный эксперимент, в котором его участникам предъявляется список из одних и тех же слов, но в разных хронотопах: в кабинете у психотерапевта, в больничной палате, в купе поезда, на детекторе лжи, в учебной аудитории. Мы с уверенностью утверждаем (проведя пилотные испытания), что результаты никогда не совпадают.

Исследователи зачастую исключают из рассмотрения ту ситуацию, в которой проводится эксперимент. А ведь формы и содержание общения задаются традициями коммуникации в заданных условиях, так как «жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом» [1, С. 235]. Хронотоп или дословно «время-пространство» есть единство двух модусов реальности: корпорального и темпорального, направленное на выражение определенного культурного смысла. Социальная психология рассматривает хронотоп в качестве своеобразного норматива социальных взаимодействий, реализуемых в институционально заданных временных и локативных рамках. Эти коммуникативные ситуации задают жанровое единство коммуникативных актов, в котором доминирующие установки накладывают специфический отпечаток на предмет общения. Бахтин утверждал, что «вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа» [1, С. 406]. Иначе говоря, хронотоп выступает смысловым триггером сознания как текста [8].

В ассоциативном эксперименте воспоминания запускаются стимулом (словом), и всей коммуникативной ситуацией в целом. Произвольность регулируется только временем реакции, или первым пришедшим на ум словом. Но именно в этом и кроется подвох, который был описан как эффект прайминга (фиксирование установки). Результаты социально-психологических исследований середины XX века обнаруживают некую закономерность, также основанную на пространственно-временных связях (т.е. ассоциациях по смежности во времени). Если какие-то два события следуют сразу друг за другом, то впечатления, вызванные первым событием, во многом определяют эффект, производимый вторым событием. Этот механизм психики обеспечивает экономию энергии по причине того, что ход и результат обработки последующей информации задан характером первично поступивших данных. Влияние обнаруживается даже в том случае, когда между двумя последовательно совершившимися событиями нет содержательной связи. Управление процессом указанного влияния предыдущего на последующее получило название прайминга. История открытия феномена прайминга восходит к реальному случаю применения прайминговой коммуникации. Выступавший за чехословацкую национальную сборную в 20-30-х гг. XX века голкипер Франтишек Планичка по прозвищу «Пражский кот» слыл неуязвимым стражем своих ворот, удивительно успешно отражавшим штрафные 11-метровые броски (penalty). Когда судья назначал одиннадцатиметровый в ворота Планички, тот весьма убедительно демонстрировал сильное огорчение, и, как бы в крайнем отчаянии и досаде, срывал с головы кепку и отшвыривал ее в дальний угол своих ворот. Стоит ли говорить, что в 90% (!) случаев бомбардир, сделав нескольких обманных движений, направлял мяч именно в тот угол, куда незадолго до этого была заброшена кепка. Готовый к такому развитию событий, «пражский кот» Планичка в эффектной прыжке брал мяч. Такому невольному внушению со стороны хитрого Планички не могли противиться опытные и хладнокровные нападающие из команд-противников

чехословацкой сборной. Прайминг может быть осознан, но чаще носит неосознаваемый характер. Едва ли участники одиннадцатиметровых педингов с Планичкой отдавали себе отчет, что действия вратаря перед пробитием мяча могут управлять их выбором направления удара. Иим было бы нелегко поверить в существование и действенность такой связи, даже если бы им объяснили, в чем тут дело.

Впоследствии возможности прайминговой коммуникации были детально исследованы, а также были предложены варианты разработки схем манипуляций, основанных на бессознательном прайминге. В качестве управляющего исходного воздействия могут использоваться слова, символы, графические объекты, запускающие нужные реакции. При этом реагирующая сторона, «жертва прайминга», так и остается в неведении. Наиболее известный эксперимент в данной области состоял в следующем. Участникам эксперимента предлагалось зафиксировать некое число (последние две цифры номера своих водительских прав или случайно выпавшее при вращении рулетки число). Затем им демонстрировали товар (детскую игрушку, бытовой прибор) с инструкцией определить приблизительную стоимость этого товара в магазине. Обнаружилось, что предварительно записанные цифры во многих случаях оказывают влияние на последующие решения относительно предполагаемой цены товара. Испытуемый, у которого в рулетку выпадало число 14, давал на втором этапе опыта ответ о стоимости игрушечного медведя – 14 долларов. Испытуемый, у которого выпало 8, утверждал, что игрушечный медведь стоит, вероятнее всего, 8 долларов. Такие прайминговые эффекты проявлялись устойчиво в нескольких сериях с разными источниками предварительной информации. Наличие эффекта прайминга было статистически достоверным, т.е. исключалась вероятность случайного совпадения. Преодолеть воздействие прайминга можно с помощью осознанности и вдумчивости. А для этого требуется время. Вхождение в экспериментальную ситуацию при реализации ассоциативного эксперимента само по себе является стимульным воздействием. Предъявляемые в последовательности, известной только испытателю, слова представляют собой еще один пусковой механизм «программированной» реакции. В групповом ассоциативном эксперименте, в заданном ритме ответов, в присутствии наблюдателей, у испытуемого нет времени на абстрагирование от коммуникативных и ситуативных наслоений и обдумывание задачи («в чистом виде») (продуцирование собственных ассоциаций).

Есть еще один критический аргумент против «первого слова, пришедшего на ум». Творческий процесс неразрывно связан с поиском ярких и многозначных ассоциаций. Каждая ассоциация порождает свою собственную креативную линию. Поль Валери предпринял попытку раскрыть феноменологию вдохновения, объяснить природу творчества исключительно возможностями человеческого ума, не прибегая к ненаучным аргументам вроде того, что экстаз вдохновения сродни мистическому, что рукой творца водит Бог и т.д. Вдохновение – это процесс, исходной точкой которого является спонтанная ассоциация, которая зарождает эстетическую идею будущего произведения (точнее, ее образные и эмоциональные опоры). Далее следует уже процесс осознаваемого отбора лучших ассоциаций в русле найденной художественной идеи. Как у Пушкина: «Ведь рифмы запросто со мной живут; Две придут сами, третью приведут». О критериях отбора в явном виде П. Валери не упоминает, но можно предположить, что таковым критерием выступает мета-ассоциация (ее принято называть гармонией). Безупречность стиля (общего способа сопряжения мысли и формы) превращает эстетическую идею в живую ткань художественного образа [5].

Итак, первая реакция зависит от установки. Описание этого феномена можно найти в рассказе Карела Чапека «Эксперимент профессора Роусса». Суть его такова. В чешский городок приезжает профессор психологии Гарвардского университета, решивший навестить историческую родину. Публике через газеты объявлено, что заокеанский гость согласен испытать на желающих возможности своего метода (как выясняется из дальнейшего повествования, это метод направленных ассоциаций). В назначенный час собрались местные политики, чиновники, профессора, журналисты.

«Мой метод заключается в следующем: я произношу слово, а вы должны тотчас же произнести другое слово, которое вам придет в этот момент в голову, даже если это будет чепуха, nonsense, вздор. В итоге я, на основании ваших слов, расскажу вам, что у вас на уме, о чем вы думаете и что скрываете. Понимаете? Я опускаю теоретические объяснения и не буду говорить вам об ассоциативном мышлении, заторможенных рефлексах, внушении и прочем. Я буду сказать кратко: при опыте вы должны полностью выключить волю и рассудок. Это даст простор подсознательным ассоциациям, и благодаря им я смогу проникнуть в... э—э... Well, what's on the bottom of your mind...»

Вводят преступника, который подозревается в убийстве. Профессор диктует ему слова, предлагая отвечать первым пришедшим в голову словом. Сначала преступник вообще не желает иметь с ним дело. Но потом игра «в слова» его увлекает, и он в неё втягивается. Профессор дает сначала нейтральные слова: Мамашиа — Тетка. Собака — Будка. Солдат — Артиллерист. <... > Но постепенно он начинает включать слова, связанные с обстоятельствами преступления. Предлагается слово «кафе», ответ — «шоссе», дается слово «пятна», ответ — «мешок» (потом было выяснено, что пятна крови были вытерты мешком); на слово «спрятать» — ответ «зарыть», «лопата», «яма», «яма» — «забор» и т. д. Короче говоря, после сеанса, по рекомендации профессора полицейские отправляются в некоторое место около забора, раскапывают яму и находят спрятанный труп. Не сомневаясь в столь же успешном продолжении опыта, профессор предлагает повторить сеанс с кем-либо из присутствующих зрителей, чтобы раскрыть и его тайны. Но энтузиазм публики от такого предложения вмиг улетучился, и в итоге поучаствовать в качестве подопытного согласился лишь один из многочисленных присутствующих, немолодой человек непримечательной наружности. Новый подопытный с услужливой готовностью предоставил профессору для испытания собственный «bottom of mind». Объяснив «субъекту», что от него требуется, уверенно-небрежным тоном профессор начал опыт:

— Дуб, — бросил профессор.

— Могучий, — прошептал испытуемый.

— Как? — переспросил профессор, словно не поняв.

- *Лесной великан, — стыдливо пояснил человек.*
 — *Ага, так. Улица.*
 — *Улица... Улица в торжественном убранстве.*
 — *Что вы имеете в виду?*
 — *Какое-нибудь празднество. Или погребение.*
 — *А! Ну, так надо было просто сказать "празднество". По возможности одно слово.*
 — *Пожалуйста...*
 — *Итак. Торговля.*
 — *Процветающая. Кризис нашей коммерции. Торговцы славы.*
 — *Гм... Учреждение.*
 — *Какое, разрешите узнать?*
 — *Не все ли равно! Говорите какое-нибудь слово. Быстро!*
 — *Если бы вы изволили сказать "учреждения"...*
 — *Well, учреждения.*
 — *Соответствующие! — радостно воскликнул человек. <...>*
 — *Огонь!*
 — *Огнем и мечом. Отважный пожарник. Пламенная речь.*
Mene tekel.
 — *Странный случай, — озадаченно сказал профессор. —*

Дальше все пошло хуже. Ухищрения профессора по смене стратегии стимуляции потока ассоциаций, взвинчиванию темпа и т.д., ни к чему не привели. Испытуемый субъект продолжал выдавать расхожие штампы в ответ на любое стимульное слово, причем мгновенно и не задумываясь — по всем правилам безупречного ассоциативного эксперимента. Догадавшись, наконец, с кем имеет дело, профессор остановил опыт и постарался — в лучших традициях мастеров публичных выступлений — «заякорить» в сознании присутствующих единственный достигнутый результат: «Анализом представлений этого человека мы бы установили, что... м-м, что он журналист. Я думаю, нет смысла продолжать. It would only waist our time. So sorry, gentlemen!» [13].

В этом рассказе К. Чапек обыграл в сатирическом ключе идею о полном бессилии науки перед посредственностью, тщетности попыток отыскать в ней хоть что-то живое и интересное. Законопослушный и добропорядочный ремесленник пера, у которого собственные мысли напрочь вытеснены шаблонными газетными оборотами и сентенциями на все случаи жизни, в этом смысле безнадежен для науки. Если комментировать описанное в рассказе с психолингвистических позиций, то устоявшиеся штампы, которые от частого употребления становятся в буквальном смысле «затертыми», как с информационной, так и с эмоциональной точки зрения, приобретают функционал трюизма — положения, настолько общеизвестного, что сознание исключает его из обработки. Штампы являются риторической фигурой, лишенной собственной содержательности и выполняющей служебную роль: индикатора коммуникативной ситуации и заполнителя смысловой пустоты. Дискурсивные штампы, которые по форме представлены синтаксическими конструкциями, воспринимаются как целостные неделимые единицы «респектабельной бессмыслицы», застывшие и неизменяемые. Штампы озвучиваются на основе ассоциации по смежности: слово-стимул актуализирует свой штамповый придаток. Эти ассоциации являются тупиковыми, поскольку ассоциативный процесс, как и словообразование, задается эмоциональной направляющей. В случае «штамповых» ассоциативных ответов мы имеем дело лишь с механической реакцией. Таким образом, проявляется влияние индивидуального контекста на ассоциативные процессы.

Процедура проведения ассоциативного эксперимента, как правило, строится по следующему алгоритму. Последовательно предъявляются слова-стимулы, на каждое из которых необходимо ответить первым пришедшим в голову словом. Фиксируются только словесные реакции. Во времена становления ассоциативного эксперимента как метода исследования сознания процедура была иной. Френсис Гальтон стимульные слова предпочитал выписывать на отдельные карточки. Полностью отвлеклся от них на несколько дней, не смотрел в их сторону, не брал в руки, не старался вспомнить, что на них написано — как будто бы их не существовало вовсе. И лишь затем, в состоянии максимально «очищенного» от первоначальных стимульных впечатлений сознания, приступал к ассоциированию. Будучи сторонником строгого соблюдения норм экспериментирования, скрупулезно вел хронометраж ответной реакции (время между воздействием стимула и появлением второй по счету ассоциации). В современных условиях проведения ассоциативного эксперимента фиксируется латентное время (отрезок времени между предъявлением стимула и первой реакцией). Каждому испытуемому отводится время в пределах 7-10 минут для ответных реакций на последовательность из ста стимульных слов. Такая «плотность» потока стимулов обосновывается необходимостью получения спонтанной, неконтролируемой реакции. Но, как иногда бывает в эмпирических науках, усиленное внимание к контролю одних ситуационных переменных сочетается с игнорированием влияния других. В частности, коммуникативных переменных и прайминговых эффектов.

К работе испытуемых по продуцированию ассоциаций сразу же подключается оперативная память, помогая субъекту ориентироваться в ситуации «здесь и сейчас». Главным отличием оперативной памяти является связанность информации напрямую с действием, регистрация его промежуточных результатов. Длительность хранения и использования материала определяется продолжительностью достижения цели. Когда цель достигнута, информация теряет актуальность. Но какая цель у испытуемого в ассоциативном эксперименте? Триггером здесь выступает слово. И не само по себе, а в заданном пространстве и с ограниченным временем реакции. Для подобных случаев Остапом Бендером был составлен универсальный словарик под названием «Торжественный комплект» — незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей. Для сравнения. У К. Чапека даже отъявленный негодяй, убийца и уголовник обладает каким-никаким, но самосознанием, с

подсознанием и прочими прилегающим. Он опасается разоблачения и прячет свои воспоминания о преступлении. А человек, чья голова вмещает только чужие слова, фразы и банальности – виртуальная заготовка, которая не может адекватно оценить мир вокруг себя, потому что видеть его способна только через призму чужих стандартных установок – «ответить первым пришедшим в голову словом» в учебной (как правило) аудитории.

Основные результаты

Процесс актуализации материала памяти (воспоминание) состоит в ментальной реконструкции определенных единиц опыта. Образы прошлого – это целостные ситуации, зафиксированные в сознании в единстве объекта, действия, времени, места. Принцип хронотопа в выстраивании и упорядочивании воспоминаний проявляется сопряжением «здесь» (нынешнее местонахождение) и «там» (место пребывания в прошлом), «теперь» и «тогда». И даже если «здесь» и «там» – это про одну и ту же локацию, они неизбежно противопоставляются. «Тогда» определяется через «теперь», с помощью социокультурно заданных ориентиров. Личная история интерпретируется посредством исторических вех всего общества в целом. Упомянув о событиях нашего личного прошлого (неизвестных собеседникам), мы говорим: это было сразу после того, как прошли выборы. А это было еще до коронавируса. Воспоминание – интеллектуальный процесс. Он сопровождается осознанием фактов прошлого в новых, расширившихся контекстах, осмыслением и переосмыслением. Память заново творит опыт, закрепляя результаты личностной эволюции. Настоящее, вытесняя, и, в известной мере, отрицая прошлое, в то же время наделяет это прошлое смыслом и целостностью. Если воспоминания так или иначе касаются личной жизни человека, они всегда сопровождаются целым рядом эмоций. Потому выделяют два типа ассоциаций: индивидуальные, эмоционально заряженные, интимные и формальные, заученные, подходящие на все случаи жизни клише, банальности, словесные штампы. Здесь мы сталкиваемся с когнитивной проблемой системности, структурированности знания. И еще никто не показал, что эти системы («концептуальные карты» или «ментальные деревья») формируются на основе ассоциативных связей слов. А вот какой ассоциативный путь изберет оперативная человеческая память – зависит от существующей установки сознания.

Социальные установки отвечают на вопрос: как усвоенный социальный опыт преломлен личностью и конкретно проявляет себя в ее действиях и поступках. Установка предшествует разворачиванию реального действия, оформляя в поведенческую схему побуждающий мотив деятельности. «Установки возникают при столкновении личности, имеющей определенные знания, навыки и потребности, с новой информацией, с новыми социальными требованиями и ситуациями, с учетом которых необходимо действовать» [9, С.58].

Установка определяет готовность воспринимать действительность и действовать в ней определенным образом. Имея общие для всех истоки – нормы и ценности общества, установки отдельных личностей имеют индивидуальные черты. Они связаны с тем, как был освоен и переработан (интериоризирован) социальный опыт. Как было разрешено основное противоречие в развитии взрослой личности – между ценностью принадлежности (любви) и ценностью свободы (творчества). Установка определяет формат активности и ее цели. Не является исключением активность в отношении обращения со своими собственными жизненными содержаниями в процессе бессознательного или направляемого сознанием ассоциативного процесса.

Описана трехсоставная структура социальной установки (М. Смит, 1942). Первый ее компонент – когнитивный: предрасположенность думать определенным образом по поводу объекта установки. Второй компонент установки – аффективный (эмоциональный): предрасположенность испытывать определенные оценочные чувства по поводу объекта установки. Третий компонент носит название поведенческого, или поведенческого. Его суть – готовность действовать определенным образом относительно объекта установки [16].

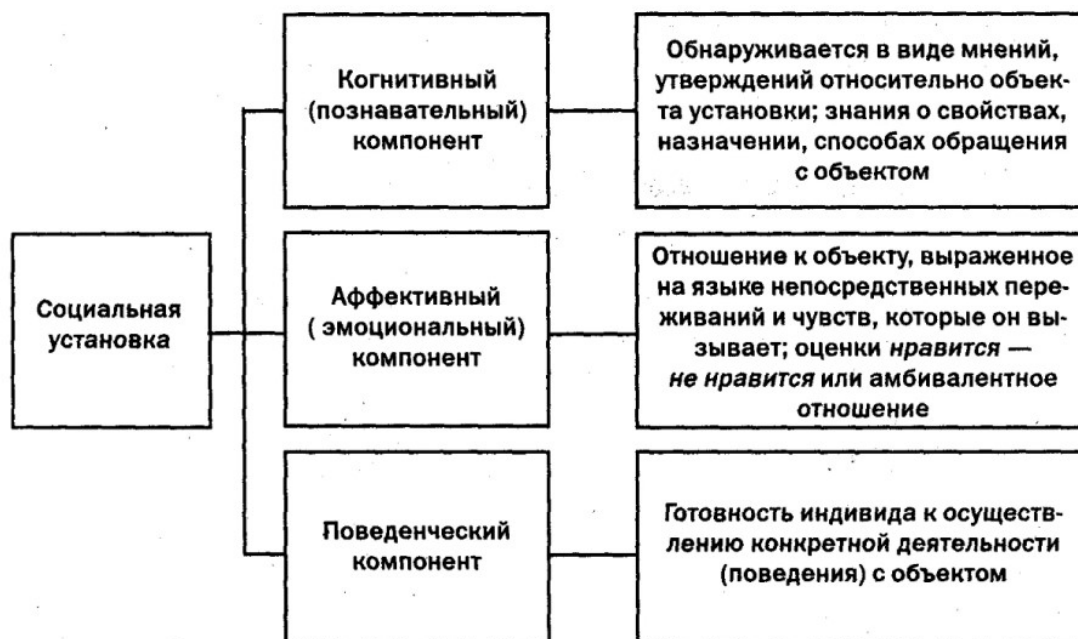

Рис. 1 – Структура социальной установки по М. Смигу

Таким образом, избирательная связь с объектом установки включает: предсуществующую ориентировку в объекте (объект становится фокусом для внутреннего сосредоточения); отношение к объекту как к значимой части мира субъекта; готовность действовать в направлении объекта, ради объекта, вопреки объекту и т.д. Совокупность различных установок образует систему установок (социальных реакций человека), элементы которой взаимосвязаны. Более частные конstellации установок, схожих между собой в каком-либо существенном отношении, также имеют свойство системности. Изменение одного компонента системы влияет посредством внутрисистемной связи на остальные. Любой элемент локальной установочной системы может стать точкой перехода от одной системы к другой, принадлежа им одновременно, и функционируя в соответствии со своей системной ролью в зависимости от того, какая из систем активирована в данное время. Что можно сказать про системообразующие начала различных установочных комплексов? Они могут быть различных видов. Ядром системы может быть объект (социальная установка на объект). При этом другие элементы системы могут варьировать. Внутрисистемные связи могут быть заданы также определенным составом элементов, включающим объект (установка на ситуацию, в которой задан объект). Системообразующим может быть также ракурс взаимодействия с объектом – реальный или иллюзорный (например, перцептивная установка – готовность видеть нечто таким, каким его желательно или привычно видеть самому индивиду или другим людям, целенаправленно формирующим у него такую установку).

В каждой конкретной ситуации поведения актуализируются разные уровни установок в реагировании на словесные стимулы. В кабинете у психотерапевта срабатывает одна установка, в учебной аудитории – другая, в игре на ассоциации – третья, в соннике при разгадывании значения снов – четвертая, и т.д. Одно и то же слово вызовет разные ассоциации в зависимости от «жанра» ситуации или индивидуальных особенностей респондента. Какая ассоциация выпадет на слово «лошадь»: цирковая, ломовая, загнанная, гнедая, хромя, полковая, усталая, кавалерийская, крылатая, ковбойская, почтовая, старая, и так далее? Зависит от ситуации, ситуативного контекста и оперативной памяти. В относительно простых быденных ситуациях появление ассоциаций и их содержание определяется эмоциональными реакциями и непосредственно предшествующими событиями. Но сложные, целиком умозрительные установочные комплексы определяют ассоциативный процесс, в котором эмоциональный компонент сравнительно мало значим: «мысль высекает мысль». При этом, относительно немногие отвлеченные мысли – целиком собственные (хотя дело и не доходит до тотального умственного плагиата, какой был у героя рассказа К. Чапека). Механический характер воспроизводства и стереотипность речи (сиречь мысли) начинается со школьных требований, передвигается из цитаты в цитату, от одного культурного мема к другому. Оттого реакция на слово в условиях «аудиторного» эксперимента не есть личностное проявление отношения к словесному объекту. Срабатывает установка на ситуацию («школярские ответы») которая подталкивает к шаблонному ответу на предъявленное слово-стимул.

Заключение

Наука стремится к познанию любого объекта исследования как вещи, зафиксированной в своей единственной данности и лишенной собственной активности в акте познания. Так достигается полный контроль над ситуацией и пресловутая «чистота» эксперимента. Но эти подходы неприменимы в изучении человека. Исключать внутрисубъектный и субъект-субъектный фактор было бы непростительным методологическим просчетом. Более того, именно изучение роли этих факторов представляется более интересной и перспективной исследовательской задачей, чем исследование собственно ассоциативной продукции. Познание человека человеком может быть только диалогическим. Имея потенциальную бесконечность ответов, языков, кодов, вступающий в эксперимент в качестве сознательного субъекта испытуемый ориентируется во времени, пространстве, цели взаимодействия с исследователем. Метаязык же познающего всегда диалогически относится к тому языку, который он описывает и анализирует. Наличие этой активной позиции меняет всю ситуацию и, следовательно, результаты эксперимента. Это было зафиксировано еще в квантовой теории. Событие, у которого есть наблюдатель (он же и испытуемый), как бы он ни был скрыт и пассивен, уже совершенно иное событие. Ассоциации людей существующим образом различаются у представителей различных культур, стран, социальных, возрастных и профессиональных групп, как доказано в ряде исследований [3; 6]. Большинство же реакций, приводимых в ассоциативных словарях, получено на выборках студентов университетов и колледжей в возрасте 17-25 лет. Однако, как отметил Ж. Годфруа, в период от 20 до 30 лет происходит только кристаллизация социальных установок, формирование на их основе системы убеждений. И только с 30 лет установки отличаются значительной стабильностью, фиксированностью и плохо поддаются изменениям [2]. Необходимо учесть также особый, характерный для нашей эпохи стиль жизни с его постоянным включением в интернет коммуникации. Стандартное школьное образование, общение в СМИ превращают речь современного человека, а не только журналиста по профессии, в обкатанные и клишированные цитаты, кочующие из одной социальной сети в другие. Сколько времени надо потратить, чтобы эти слова не были банальны! Режимы работы сознания – не только сон или бессознательные реакции сомнамбулы, но и коммуникативные хронотопы, определяющие запуск определенных ассоциативных связей в зависимости от решаемых задач. Многоликий, собранный «Я» есть результат как усвоенных ролевых позиций, «матрешки» из «Я» возрастного движения по ступеням социализации, так и «Я» как субъекта понимания и «Я» как субъекта коммуникации, говорящего и слушающего, поочередно занимающего позиции идущего вперед и освоившего общепринятые нормы сообщества. Здесь «Я» деятельный общается с «Я» понимающим. Чтобы верно и соразмерно отражать реальность сознание как бы «прогоняет» наши представления о мире через два зеркальных параллельных пространства: пространство предметное, деятельностное и пространство коммуникативное. В последнем оно также не остается пассивным приемником стимулов, но ориентируется и адекватно отвечает. Поддержку выводам находим в понятии «этос», в трактовке Ю.В. Рождественского. «Этосом принято называть те условия, которые получатель речи предлагает ее создателю. Эти условия касаются времени, места, сроков ведения речи, и этим определяется часть содержания речи, по крайней мере,

ее тема, которую получатель речи может считать уместной или неуместной. Неуместную речь получатель речи вправе отклонить. Главным признаком уместности является тема речи, при условии, что время, место и сроки речи согласованы между участниками речевой коммуникации» [11, С. 96]. Этос ограничивает пафос, так как последний может реализовываться лишь в пределах заданного этосом места и времени. Этос создает условия для речи. Пафос же – источник создания смысла. А логос – словесное воплощение пафоса на условиях этоса.

Благодарности

Анонимному рецензенту за поддержку работы и внесенные замечания по улучшению текста. Первому читателю, Ахметовой Деларе Нигматовне, сотруднику кафедры психологии Тверского филиала Московского гуманитарно-экономического университета, за конструктивную критику и редактуру.

Acknowledgement

To the anonymous reviewer for supporting the work and comments on improving the text. To the first reader, Akhmetova Delara Nigmatovna, an employee of the Department of Psychology of the Tver Branch of the Moscow University of Humanities and Economics, for constructive criticism and editing.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М.Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 стр.
2. Годфруа Ж. Что такое психология: В 2 т. / Ж. Годфруа; Пер. с фр. Н.Н. Алипова, В.В. Свечникова. – М.: Мир, 1992. – Т. 2. – 370 с.
3. Залевская А. А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: РГГУ, 2007. – 566 с.4.
4. Катаев В.П. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона / Валентин Катаев; – М.: Сов. писатель, 1983. – 495 с.
5. Лапп Даниэль. Улучшаем память – в любом возрасте / Д. Лапп; Пер. с фр. М. С. Фанченко. – М.: Мир, 1993. – 239 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики (3-е изд.) / Леонтьев А.А. – М.: Смысл, 2003. – 287 с.
7. Леонтьев А. Н. Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций / С пред. Л. С. Выготского. – Москва; Ленинград: Гос. учеб.- пед. изд-во, 1931. – 277 с.
8. Никитина Е.С. На пути к метатеории сознания как текста / Никитина Е.С. // Всероссийская научно-практическая конференция «Лингвистика XXI века: традиции и перспективы», посвящённая 75-летию факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ, Тверь, 2016 г. – С.178-182.
9. Обуховский Казимеж. Психология влечений человека / Перевод с польск. В. И. Могилева; Под ред. и с послесл. д-ра мед. наук проф. Б. М. Сегала. – Москва: Прогресс, 1972. – 247 с.
10. Пруст Марсель. Под сенью девушек в цвету. Пер. А. Федоров, наследники, 2016. Издание на русском языке AST Publishers, 2017. –740 с. 11.
11. Рождественский, Ю. В. Теория Риторики / Ю. В. Рождественский. – М.: Добросвет, 1997.– 600 с.
12. Соколова Е. Ассоцианизм. Энциклопедия [Электронный ресурс] / Соколова Е. // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/psychology/text/1835179> (дата обращения 18.07.2021).
13. Чапек Карел. Эксперимент профессора Роусса [Электронный ресурс] / Перевод Т. Аксель и О. Молочковского. Файл с книжной полки Несененко Алексея // – URL: <http://www.geocities.com/SoHo/Exhibit/4256/>(дата обращения: 23.07.2021).
14. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П.Чехов; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, Т.4: 1885-1886. 1976. –551с.
15. Miller, G. A. Language and communication / Miller, G. A. – New York: McGraw-Hill. 1951. 286 pp.
16. Smith, M.B. Attitude Change / Smith, M.B. // International encyclopedia of the social sciences / Darity, William A., Jr. - 2nd ed. - Detroit [etc.]: Macmillan reference USA, cop. 2008.

Список литературы на английском / References in English

1. Bakhtin, M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on Historical Poetics] / M.M. Bakhtin. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. – М.: Khudozh. lit., 1975. – 504 p. [in Russian]
2. Godfrua Zh. Chto takoe psikhologiya: V 2 t. [What is psychology: In 2 volumes] / Zh. Godfrua; Per. s fr. N.N. Alipova, V.V. Svechnikova. – М.: Mir, 1992. – Vol. 2. – 370 p. [in Russian]
3. Zalevskaya, A. A. Vvedenie v psikholingvistiku [Introduction to Psycholinguistics] / A.A. Zalevskaya. – М.: RGGU, 2007. – 566 p. [in Russian]
4. Kataev, V.P. Razbitaya zhizn, ili Volshebnyi rog Oberona [Broken Life, or Oberon's Magic Horn] / Valentin Kataev. – М.: Sov. pisatel', 1983. – 495 p. [in Russian]
5. Lapp, Daniel. Uluchshaem pamyat – v lyubom vozraste [Improving memory – at any age] / D. Lapp – Transl. from Fr. M. S. Fanchenko. – М.: Mir, 1993. – 239 p. [in Russian]
6. Leont'ev, A.A. Osnovy psikholingvistiki (3-e izd.) [Fundamentals of Psycholinguistics (3rd ed.)] / A.A. Leont'ev – М.: Smysl, 2003.– 287 p. [in Russian].
7. Leont'ev, A. N. Razvitie pamyati: Eksperiment. Issledovanie vyssh. psikhologich. Funktsii [Memory Development: An Experimental Study of Higher Psychological Functions] / A.N. Leont'ev. – S pred. L. S. Vygotskogo. – Moscow ; Leningrad : Gos. ucheb.-ped. izd-vo, 1931. – 277 p. [in Russian]

8. Nikitina, E.S. Na puti k metateorii soznaniya kak teksta [Towards a metatheory of consciousness as a text] / E.S. Nikitina // Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Lingvistika XXI veka: traditsii i perspektivy», posvyashchennaya 75-letiyu fakul'teta inostrannykh yazykov i mezhdunarodnoi kommunikatsii TvGU, Tver', 2016. – P.178-182. [in Russian]
9. Obukhovskii Kazimezh. Psikhologiya vlechenii cheloveka [The psychology of human drives] / K. Obukhovskii – Perevod s pol'sk.V. I. Mogileva; Pod red.i s poslesl.d-ra med. nauk prof. B. M. Segala. – Moscow: Progress, 1972. – 247 p. [in Russian]
10. Prust, Marsel. Pod senyu devushek v tsvetu [In the shadow of the girls in bloom] / Marsel'Prust. – Per. A. Fedorov, nasledniki, 2016. Izdanie na russkom yazyke AST Publishers, 2017. –740 p. [in Russian]
11. Rozhdestvenskii, Yu. V. Teoriya Ritoriki [Rhetoric Theory] / Yu.V Rozhdestvenskii. – M.: Dobrosvet, 1997.– 600 p. [in Russian]
12. Sokolova, E. Assotsianizm. Entsiklopediya [Associationism. Encyclopedia] [Electronic resource] / E. Sokolova. // Bolshaya rossiiskaya entsiklopediya. – URL: <https://bigenc.ru/psychology/text/1835179> (accessed: 18.07.2021) [in Russian]
13. .Chapek, Karel. Eksperiment professor Roussa [Professor Rousse's experiment] [Electronic resource] /K.Chapek – Transl. T. Aksel', O. Molochkovskogo. Fail s knizhnoi polka Nesenenko Alekseya // – URL: <http://www.geocities.com/SoHo/Exhibit/4256/> [inRussian]. (accessed: 23.07.2021).
14. Chekhov, A. P. Polnoe sobranie sochinenii I pisem: v 30 t. [Complete works and letters: in 30 volumes] / A.P.Chekhov – redkol.: N. F. Bel'chikov (ch. edit.) [et al.]; AN SSSR, In-t mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo. – Moscow: Nauka, Vol.4: 1885-1886. 1976. – 551 p. [in Russian]
15. Miller, G. A. Language and communication / Miller, G. A. – New York: McGraw-Hill. 1951. 286 pp.
16. Smith, M.B. Attitude Change / Smith, M.B. // International encyclopedia of the social sciences / Darity, William A., Jr. - 2nd ed. - Detroit [etc.]: Macmillan reference USA, cop. 2008.